

18 АПРЕЛЯ 1936.

Народная артистка Асмик.

— НАРОДНАЯ АРТИСТКА АСМИК —

Сегодня наша общественность отмечает тридцатилетие сценической деятельности народной артистки республики Асмик Акopian.

Творческий облик Асмик, несомненно, одно из интереснейших и своеобразнейших явлений на армянской сцене.

Происходя из полумакропской, старо-нахичеванской семьи, где в те глухие времена, казалось бы, не было никаких предпосылок для возникновения любви и стремления к работе в театре, Асмик, с юных лет имея, и то понаслышке, восемь отдаленное и туманное представление о театре, собирала соседских детей и устраивала с ними восемь своеобразные домашние спектакли.

Из Нахичевани Асмик переехала в Тифлис. Здесь она получила возможность приобщиться к театру.

Сцена поглотила Асмик всю целиком, без остатка. Настойчивостью и упорным трудом, шаг за шагом она овладевала «тайнами» сценической техники, которой требуется тем больше, чем больше у артистки дарования.

Сценический путь Асмик, путь становления актрисы—чрезвычайно интересен и поучителен.

Асмик пришла в театр в то время, когда на сцене, в полном расцвете сил въబстали корифеи предреволюционного армянского театра. Заострикая, малознакомая «пропиннатика» благоговела перед ними.

Заботиться о молодой, импульсивной актрисе, помочь ей, поставить ее на изысканные роли — кому была охота? Она была нужна постольку, поскольку вынуждена роли «выходной», в лучшем случае — «элизиотической» актрисы, иначе говоря была в глазах «премьера» просто одиозным сценическим реквизитом. Впрочем, то, что никто из «корифеев» не обнаружил желания заняться молодой актрисой, было, пожалуй, даже хорошо для Асмик. В то время на армянской сцене в актерской игре доминировал стиль патетической романтики.

Как им благоволила Асмик перед «корифеями», по некий внутренний, зловещий инстинкт, присущий даровитой актрисе, инстинкт, обусловленный ее принадлежностью к подлинно народной массе, инстинкт, взысканный в реализмической, жестокой действительности старой армянской деревни, подсказал ей, что как ни замечательна в своем искусстве эта плеяда действительно талантливых актеров, но все же это искусство как будто неправдиво, что подлинное искусство должно быть жизненным, должно быть ближе к природе. А как добиться того, чтобы такое искусство было жизненно, правдиво, подлинно? Этому никто не хотел, да и не мог ее научить.

И Асмик взялась за свадебные вкусы. Чутьем, шаг за шагом, через успехи и неудачи, через взлеты и провалы, накапливала она драгоценный опыт.

Большое природное дарование, большая воля, отменное трудолюбие, замечательность в жизненной борьбе, редкое сочетание в самой ее натуре трезвого реализма с глубокой эмоциональностью, помогли ей разобраться в сложном лабиринте «тайн» сценического искусства.

На исходе первого десятка лет сценической работы Асмик уже выросла в интересную, оригинальную и разнообразную актрису.

В основном, в первые, да и в последние годы, работа Асмик протекала в лучшей армянской труппе армянского драматического общества в Тифлисе. Однако

ром на всех языках многонационального Тифлиса ставились драматические спектакли, Асмик потянуло к этому новому, молодому делу.

Верный ее спутник — ее здоровый инстинкт — подсказал ей необходимость крепко связаться с полупрофессиональной, полуподательской армянской секцией народного дома, состоявшей, главным образом, из молодых энтузиастов демократического театра, многие из которых являются сейчас активными деятелями советской сцены.

Не случайно потянуло Асмик к народному театру. Здесь, в демократической среде, перед демократическим зрителем, Асмик куда легче дышалось.

Ее реалистическое искусство было родно этому новому зрителю, оно находило в нем настоящий, живой отклик; здесь артистка получала подтверждение в правильности выработанного ею стиля актерской игры, получала новую зарядку к дальнейшему углублению этого стиля.

И не случайно поэтому, что уже с первыми раскатами великой пролетарской революции мы видим Асмик (в 1920 г.) в Дешникане, на фронте гражданской войны. Здесь, вместе с частями наступавшей на дашнакскую Эривань Красной армии Асмик передвигается с места на место, и в гюль, и в стужу, в куцем, летнем пальто, ездит то по селам, то по красноармейским частям, организуя спектакли. И уж, конечно, совсем не случайно, что как только организуется в советской Эривань государственный театр, Асмик с первого же дня основания и по сей день работает в нем. Здесь, в советском армянском театре, таланту Асмик суждено было развернуться со всей силой той неиссякаемой потенции, которая заложена в этой прекрасной актрисе.

За тридцатилетнюю свою работу на сцене Асмик перенесла множество разнообразнейших ролей, среди которых имеется не один десяток подлинных шедевров.

В каждой из своих ролей, даже в наименее удачных, Асмик всякий раз радует зрителя своеюностью, оригинальностью, испытавшими творческим ею образом. От ветреной сельской Мессадини-Сирвард («Суд») до волнистого горя — Шушан («Пепо»), от подавленной бременем труда и виноветы Кипрель («Гибель надежды») до грозной Кабаянихи («Гроза»), от шаловливого Жозефа («Парижский гамлет») до зловещей колдуньи Виттихен («Погонувший колокол») — всех этих шедевров, рождающих всю силу талантливой актриски, не перечесть.

Однако, как ни разнообразна и разнохарактерна галерея созданных Асмик образов, есть один образ, который в его самых различных оттенках и формах доминирует во всем творчестве Асмик как в театре, так и в кино. Это — образ матери, всякой матери, во всех ее мыслимых разновидностях. В течение всей своей сознательной жизни Асмик была актрисой и матерью (рано овдовев, она вступила в самостоятельную жизнь, став матерью четырех детей).

Там, где две эти функции сливаются в одно, и актрисе Асмик надо изображать на сцене мать, получается исключительно гармоничное стилизованное, исключительно потрясающий сценический образ.

Содняшний юбилей — это праздник талантливой актрисы, праздник раскрепощенной армянской женщины, праздник отменной труженицы, подлинной герояници — зрителей, ценителей нашей прекрасной Асмик.

Шлем ей горячие поздравления и пожелание долгие годы управлять советскую армянскую сцену.